

# ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Богданов В.П.

DOI: 10.7256/2222-1972.2016.4.19404

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

## Южновятская археографическая экспедиция Московского университета: итоги и перспективы

**Аннотация.** Предметом исследования предлагаемой статьи стали археографические экспедиции на Южную Вятку (Уржумский, Малмыжский и Кильмезский районы Кировской области), предпринятые Московским университетом в 1999 – 2015 гг. Пестрый этно-конфессиональный состав (здесь проживают русские, марийцы, удмурты, татары) определил постоянный интерес к нему со стороны специалистов разных гуманитарных дисциплин: историков, археографов, филологов, этнографов, религиоведов. Старообрядческое население края представлено, главным образом, тремя ветвями беспоповского течения (филипповцы, федосеевцы, поморцы). Его изучением занимались археографы Ленинграда, Екатеринбурга, Кирова и Москвы. В статье рассмотрены этапы и методика исследования традиционной культуры края, проанализирована практика введения в научный оборот письменных и устных источников учёными МГУ, высоко оценённая коллегами из ряда научных центров России. Работам московской археографической экспедиции, по итогам которых уже выпущено три сборника документов и более полутора десятков статей, и посвящена настоящая статья. Опыт, накопленный ходе комплексных археографических исследований, длящихся уже более 15 лет, может быть использован при исследовании разных этно-конфессиональных групп других регионов.

**Ключевые слова:** Южная Вятка, историография, археография, экспедиции, полевые исследования, крестьяне, традиционная культура, старообрядчество, I Мировая война, комплексный подход.

**Abstract.** This article discusses the archeological expeditions to South Vyatka (Urzhumsky, Malmyzhsky and Kil'mezensky areas of Kirovskaya Oblast') organized by Lomonosov Moscow State University in 1999–2015. Diverse ethno-confessional population of these regions aroused constant attention from representatives of various humanity disciplines: historians, archaeographers, philologists, ethnographers, religious studies scholars. Old Believers' population is represented primarily by three branches of Bezpopovtsy Sect (Filippians, Fedoseevtsy and Pomorian Old-Orthodox Church). Archeographers of Leningrad, Yekaterinburg, Kirov and Moscow studied this sect extensively. This article covers the steps and methodology of research on traditional culture of this region. The author analyzes the practice of implementing written and oral sources into scientific research by LMSU scholars, which was highly acclaimed by their colleagues from various scientific centers in Russia. This article is dedicated to the works and papers of Moscow archeographical expedition which has already produced three edited volumes of primary sources and a dozen academic articles. Experience, gained during complex archeographical studies conducted in the last fifteen years, can be used while researching different ethno-confessional groups in other regions.

**Key words:** South Vyatka, historiography, archaeography, expedition, field study, peasants, traditional culture, Old Belief, First World War, complex approach.

**Ю**жная Вятка (Уржумский, Кильмезский и Малмыжский р-ны Кировской области) – уникальный регион, где компактно проживают представители русского, марийского и татарского населения. При этом русское население здесь представлено как приверженцами РПЦ, так и представителями старообрядцев: по-

повцев (белокриницкая иерархия) и беспоповцев (поморцы, федосеевцы, филипповцы). При этом местные филипповцы разделены на шихалёвскую и максинерскую общины, названные по населённым пунктам, в которых эти течения обособились. Федосеевцы ещё во второй половине XIX в. оказались разделены на большую и малую моленные; представители последней

прикнули к поморскому направлению и сейчас именуют себя «даниловцами».

До 1990-х гг. археографическое изучение региона было предпринято двумя научными центрами – БАН и УрФУ – интересовавшимися, в первую очередь, местными федосеевцами и поморцами. Находки составили обширные фонды, ныне хранящиеся в БАН и УрФУ. По признанию Н. Ю. Бубнова руководившими работами БАН в крае, поездки этого научного центра сюда осуществлялись в спешке. Соответственно, памятники книжности собирались часто без подробного изучения среды их бытования. Уральские исследователи, уделяли большое внимание федосеевскому изданию Л. А. Гребневу и, кроме того, собрали большую коллекцию книг и рукописей, бытовавших в среде филипповцев. В регионе также активно работали и Кировские исследователи. Отдельно следует отметить и труды доцента Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического университета В.К. Семибратов [24]. На рубеже 1990-х -2000-х гг. регионе исследовали студенты и сотрудники Вятского государственного университета под руководством И.Ю. Трушковой. Небольшая коллекция по южновятскому староверию хранится в Кировском областном краеведческом музее. Библиография южновятских исследований уже достаточно обширна; она обобщена в водных статьях итоговых сборников [13, 15, 19, 29], а также диссертации Е.В. Сергеевой (Воронцовой) [6].

Археографическое изучение Южной Вятки Московским университетом началась в 1999 г., когда в состав фольклорной экспедиции филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова вошли А. В. Дадыкин (в то время сотрудник археографической лаборатории) и А. А. Исэров, только что закончивший 2-й курс исторического факультета. Под эгидой лаборатории экспедиция действовала до 2011 г. В 2012 г. выезд историков МГУ был осуществлён за счёт средств гранта президента № МК-2285.2011.6 «Традиционная культура в условиях модернизации (на примере крестьян-старообрядцев)», в 2015 г. – за счёт средств гранта РГНФ № 15-01-18096/15 «Южная Вятка: археографическая экспедиция исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова». В 2013 и 2014 гг. экспедиции в регионе не было. Задача данной публикации: дать обзор основных результатов работы, проделанной московскими археографами.

Ко времени начала работ на Южной Вятки за плечами московских археографов был ни

один изученный регион; в частности – Верхокамье. По замечанию Е. Б. Смилянской, «именно изучение Верхокамья подтолкнуло археографические экспедиции МГУ к разработке программ опросов, выходящих за рамки анализа книжной культуры и локальной истории. В разные годы для разработки этих программ в археографические экспедиции МГУ приглашались специалисты смежных областей знания, и записи бесед (чаще всего писали со слов без магнитофона!) фиксировались в дневниках экспедиций. Эти записи до известной степени позволяют оценить не только книжные собрания Верхокамья, но и особенности религиозных практик местных старообрядческих общин». Программа эта «включала разделы: 1) история данного населенного пункта, 2) история семьи, 3) история старообрядчества в районе, 4) литургия и обрядность, 5) обучение, грамотность, книги, религиозные представления, 6) устная культура, духовные стихи. Всего в программе более 200 вопросов и тем для бесед. Проводя беседу по этой программе, интервьюер-участник экспедиции обычно самым подробным образом фиксировал ответы респондента. Опрос имел смысл только в форме доверительных многочасовых бесед, и полная реализация вопросника становилась возможной лишь в результате многократных визитов, нередко в течение нескольких лет» [26. С. 65–66.]. Поэтому верхокамский опыт (а он был за плечами и А. В. Дадыкина, и А. А. Исэрова и др. исследователей), с его целенаправленной аккумуляцией информации разных видов и типов источников, был перенесен на Южную Вятку.

Работа московских исследователей в 2000-е – 2010-е гг. осуществлялась в условиях возрождения религиозной жизни старообрядческих общинах. Поэтому московские экспедиции изначально были нацелены не столько на сбор памятников книжности (в новых реалиях они оказались более востребованными, чем раньше, в местных общинах), сколько на методичное и по возможности глубокое изучение самой среды их бытования. Находки московских исследователей, оказавшихся здесь только в самом конце XX в., гораздо скромнее, чем их екатеринбургских коллег. В частности, полемические сочинения, выявленные ими, в значительной степени «продублировали» то, что в 1980-е – 1990-е гг. было обнаружено уральскими археографами. Однако попались в поле зрения московской экспедиции и некоторые яркие памятники.

Первые несколько лет работ сотрудников и студентов МГУ ушли на то, чтобы разобраться в достаточно сложной системе взаимоотношений местных старообрядческих общин (первой в этом направлении стала работа А. А. Исэрова 2004 г. [30]).

На середину 2000-х приходится интерес к фольклору местных старообрядцев. В частности в этот период активно привлекались студенты и аспиранты филологического факультета. В это же время вышла книга, участниками фольклорных экспедиций МГУ [11], где значительное место занимает материал, собранный именно на Южной Вятке. Собранные нарративы использованы в ряде работ по фольклористике [5, 31]. Но именно в это время, главным образом, Е. В. Градобойновой, большое внимание стало уделяться изучению отношений членов местных братий с целью выявления потенциала новых расколов [8].

Во второй половине 2000-х гг. акцент сместился на изучение догматических вопросов. В частности, в 2007 г. был составлен вопросник, призванный выявить представления носителей традиции по основным вопросам веры, мироустройства и т.д. в течение последующих 5 лет он, в том или ином виде, использовался. Некоторые итоги оказались подведены в работе Е. В. Градобойновой 2011 г. [9].

Работы 2009–2012 гг. привели к существенным результатам в области изучения народной герменевтики. Если до 2009 г. фиксация подобного рода сюжетов была в значительной степени случайной, то с 2009 г. сбор устных нарративов, касающихся мирового устройства, истории старообрядчества и т.д. стал носить целенаправленный характер. Выявленные материалы представлены в соответствующем разделе итогового сборника [13. С. 217 – 254]. Среди них есть как довольно традиционные представления об окружающем мире (например, о греховности чая, табака и кофе, как не поклонившихся Христу при распятии), так и весьма редкие. Например, о том, что русалки являются потомками фараонов, затопленных Моисеем при прохождении Красного моря (схожие нарративы были зафиксированы на севере России и в Белоруссии [17. С. 292]). Ряд опубликованных текстов нашёл отражение в работах филологов [1, 2, 4]. Представления местных староверов о начале старообрядческого движения (главным образом, о личности патриарха Никона) проанализированы в статье участника экспедиции О. О. Орловой [18].

В 2010–2012 и 2015 гг. одним из приоритетных направлений стало исследование генеалогии основных местных фамилий – Чернышовых, Новокшиновых, Пестовых и др. Подобная «персональная» история также позволила уточнить историю местных согласий. В частности, лучшее состояние филипповского согласия может объясняться большей устойчивостью его представителей в генеалогическом плане.

В 2010-е гг. Е.В. Воронцовой (Сергеевой) была создана серия работ (недавно обобщенных в диссертационном исследовании), посвященных бытованию духовных стихов на Южной Вятке, и системе воспроизводства религиозных знаний среди местных староверов [6, 7]. В это же время А.А. Солдатов обратился к судьбе местных федосеевцев [28], история которых до начала XX в. была детально изучена екатеринбургскими археографами, а также предпринял попытку изучения местных беспоповских согласий с точки зрения социальной антропологии [27]. Южновятский полевой материал, отражающий современное состояние традиционной культуры в крае, нашёл отражение также в статьях В.П. Богданова, Е.В. Градобойновой, А.А. Солдатов, опубликованных в сборнике «Старообрядчество в условиях модернизации» [29].

«Семейная» история, изучение народной герменевтики, а также расширение территории работ (за счёт северной стороны Уржумского района и кратковременных выездов в Кильмезский район) в последние годы позволили вернуться к изучению истории местных согласий уже на новом уровне. Например, удалось показать, что изначально местные староверы придерживались поморской традиции и только затем часть из них примкнула к федосеевцам. Филипповское согласие здесь укрепилось только к середине XIX в. благодаря влиянию с Урэн и Глазова.

Результаты работ на Южной Вятке можно свести к следующим тезисам:

- **удалось увеличить фонд редких книг и рукописей НБ МГУ.** Уже в 2000 г. в собрание поступило издание XVI в. – Псалтырь (Вильно, 16.01.1576; [13. С. 159]). В последующие годы поток памятников не был большим – экспедиции не ставили в качестве главной задачи их выявление и сбор (о чём говорилось в самом начале статьи). Однако в 2010 г. был получен рукописный «Хронограф» XVII в. (до сих пор находится

в фонде самой лаборатории). В 2011 г. московским археографам был передан архив Л. А. Гребнева, в 2012 г. – восемь книг XVIII – начала XX вв. и часть писем архива федосеевского наставника второй половины XX в. И. С. Кочкина. Последние две находки были переданы в НБ МГУ.

Об архиве Л.А. Гребнева следует сказать особо. К началу XXI в. «гребневская тема» была уже достаточно хорошо проработана как кировскими, так и екатеринбургскими исследователями. Статьи и книга [24] В.К. Семибратова показали направления и основные достижения его просветительской деятельности. Репертуар изданий Л.А. Гребнева достаточно полно определен И.В. Починской [20, 23]. К 2005 – 2010 гг. тема жизни и творчества Л.А. Гребнева казалась исчерпывающей и не требующей дальнейшей разработки на полевом материале. И тут произошла неожиданная находка... Причём не в федосеевской среде (сам Л.А. Гребнев был федосеевцем), а в филипповской. Полученная коллекция состоит из следующих документов:

- два письма, адресованные лично Л.А. Гребневу (от выдающегося поморского издателя П.М. Безводина и крупного деятеля федосеевского согласия Ф.В. Воробьева);
- шесть полемических писем Ф.В. Воробьева (адресованы разным лицам), посвященные, в первую очередь, вопросам брака;
- протокол Заседания совещания представителей христиан староверцев Нижне-Волжского края 14-17 сентября 7437 г. (1928 г., в г. Саратове) (два экземпляра);
- стенограмма заседания Совета Попечителей с приехавшими отцами, Клиром и ревнителями от 30 мая 7435 г. (1927 г., г. Саратов) (три экземпляра);
- певческая рукопись, содержащая сравнение разных напевов, сопоставление певческой традиции разных согласий;
- обращение Областного Уфимского Церковного Совещания к пастырям и мирянам Православных Епархий Уфимской, Златоустовской и ближайших к ним (2 экз.), мусульманский журнал «Дианат».

Данные материалы в середине 1930-х гг. оказались у племянника Л.А. Гребнева – П.Г. Шихалева (о чем говорят его пометы на ряде листов), одна из родственниц которого вышла замуж за филипповца-шихалёвца; затем сменился ещё один владелец материалов и так они попали в поле зрения московских исследователей.

В течение 2012-2014 гг. найденные материалы были переведены в машиночитаемый вид. Завершить работу оказалось возможным в рамках упомянутого экспедиционного гранта РГНФ № 15-01018096е, который предусматривал, в том числе, и издание находок 2011 – 2012 гг. с учетом новых данных.

Несколько слов следует сказать о значении найденных материалов.

Во-первых, они (особенно письма Ф.В. Воробьева) показывают ту напряженную полемику, которая велась в федосеевском согласии даже в условиях советской власти. Центральным местом этой полемики был вопрос о браках, актуальный для всех беспоповских согласий. Примечательно, что письма демонстрируют целую галерею деятелей как общероссийского, так и регионального масштаба. В этом плане интересны характеристики, данные Ф.В. Воробьевым известным общественным деятелям, вышедшим из федосеевцев: С.И. Зимину, купцам Мараевым и др. Обращает на себя внимание прекрасное знание Ф.В. Воробьев не только духовной (отцов церкви, сочинения старообрядческих авторов), но и светской литературы. Он постоянно ссылается на труды историков П.С. Смирнова, Н.С. Суворова и др.

Во-вторых, публикуемые документы ярко характеризуют роль Л.А. Гребнева в жизни федосеевского согласия. Уже после закрытия типографии (это произошло в 1918 г.) у Л.А. Гребнева была, видимо, возможность тиражирования текстов. В этой связи, уже в 1928 г. Ф.В. Воробьев посылал ему свои полемические письма, в которые затем вносилась правка (как самим автором, так и Л.А. Гребневым), а затем, наверное, письма тиражировались.

В-третьих, «музыкальная рукопись» показала вклад Л.А. Гребнева в развитие певческой культуры старообрядцев. Как показала А.А. Михеева, он планировал убрать так называемую хомонию (раздельноречное пение – русское церковное пение, при котором используются произнесение слов с введением между согласными и после заключительной согласной дополнительных гласных).

В-четвертых, обращает на себя внимание и проникновение терминологии нового времени в традиционную речь старообрядцев. Например, в ходе совещаний производятся выборы в «Совет», в «Президиум».

В целом, найденный в 2011 г. комплекс (включая музыкальную рукопись) может рас-

сма­три­вать­ся как под­го­товитель­ные ма­тери­алы к не­со­сто­яв­ше­му Об­щерос­сий­ско­му со­бо­ру 1928 г. Имен­но в це­лях под­го­товки к не­му и бы­ли соз­да­ны по­ле­ми­че­ские пись­ма Ф.В. Во­ро­бье­ва, про­ве­де­ны два ор­га­ни­за­ци­он­ных за­се­да­ния, а Л.А. Греб­нев ра­бо­тал над ре­фор­мой пев­че­ской тра­ди­ции.

Всё это сви­де­тель­ст­вуют о жи­вост­и и раз­ви­тии дре­внерус­ских по­ле­ми­че­ских тра­ди­ций, а так­же по­ка­зы­ва­ют вы­со­кий уро­вень кни­ж­ной куль­ту­ры бес­по­пов­цев. Ма­тери­алы ар­хива Л.А. Греб­не­ва, а так­же текст хра­ня­ще­го­ся в Ки­ров­ском кра­еве­дче­ском му­зее По­мян­ника се­мьи Греб­не­вых лег­ли в ос­но­ву сбор­ника, по­свя­щен­но­го э­тим на­ход­кам [15].

- **было по­ло­же­но на­ча­ло ме­то­ди­чно­му вве­де­нию в на­уч­ный обо­рот дан­ных по­ле­вых днев­ни­ков.** В вер­хо­кам­ских ис­сле­до­ва­ниях дан­ных по­ле­вых днев­ни­ков но­си­ли вспо­мо­га­тель­ный ха­рак­тер. Не­ко­то­рые учё­ные, да­же ос­но­вы­вая­ся на них, ста­ра­лись об­хо­дить­ся без от­сы­лок к э­тим ис­точ­ни­кам [42]. Ра­бо­ты по Юж­ной Вят­ке из­на­чаль­но ак­тив­но под­кре­п­ля­лись ссы­л­ка­ми на днев­ни­ко­вый фонд. В не­ко­то­рой сте­пени они бы­ли ис­поль­зо­ва­ны А. А. Исэ­ро­вым в пу­бли­ка­ции 2004 г., но ос­нов­ным ис­точ­ни­ком они ста­ли в его ста­тье 2008 г. [12] и ста­тье то­го же го­да Е. В. Гра­добой­но­вой [8]. Вско­ре к ним при­ба­ви­лись и ста­тья ав­то­ра э­то­го об­зо­ра, ко­то­рые в зна­чи­тель­ной сте­пени об­об­ще­ны [13, 14, 15, 19]. Ча­сто ссы­лки на по­ле­вые днев­ни­ки юж­но­вят­ских экс­пе­ди­ций встре­ча­ют­ся в ис­сле­до­ва­ниях О. Д. Ше­мя­ки­ной [32, 33], О. Б. Хри­сто­фо­ро­вой [31] др. При э­том учас­тни­ки экс­пе­ди­ций при ис­поль­зо­ва­нии по­ле­вых ма­тери­алов «скры­ва­ют» по э­ти­че­ским со­об­ра­же­ния­м и­ме­на ре­спон­де­нтов. Все­гда ука­зы­ва­ют­ся толь­ко пер­вые бук­вы фа­ми­лии, и­ме­ни и от­че­ства и да­та ро­ж­де­ния. При э­том обя­затель­ны­ми эле­мен­та­ми яв­ля­ют­ся ука­за­ние на днев­ник, в ко­то­ром ин­фор­ма­ция от­ра­же­на, да­ту и ме­сто за­писи ин­фор­ма­ции. По­доб­ная пе­ре­да­ча ин­фор­ма­ции по­зво­ля­ет не ука­зы­вать на­пря­мую ре­спон­де­нта, но, в то же вре­мя, по­мо­га­ет де­лать раз­но­го ро­да со­ци­оло­гиче­ские по­стро­е­ния.
- **оп­ро­бо­ва­на ме­то­ди­ка ге­не­оло­гиче­ско­го под­хо­да к изу­че­нию тра­ди­ци­он­ной куль­ту­ры и мест­ной ис­то­рии.** Ге­не­оло­гиче­ский ме­то­д по­зво­лил ре­шить сразу не­ско­лько про­блем. Во­пер­вых, ком­му­ни­ка­бель­но­сти.

Во­про­сы о ве­ре, ис­то­рии со­гласий и т. д. ча­сто «от­пу­гива­ют» ре­спон­де­нтов. Им лег­че ска­зать, что они ни­че­го не зна­ют, что на­до ста­ри­ков спра­ши­вать, да и те ни­че­го не пом­нят и т. д. Что ка­са­ет­ся се­мей­ной ис­то­рии, то здесь ни­кто не может пе­ре­а­дресо­вать ис­сле­до­ва­те­лей. Так или ина­че, но ис­то­рию сво­ей се­мьи зна­ют все. От­сю­да ши­ро­кие пер­спек­ти­вы для изу­че­ния мест­ной ис­то­рии, а че­рез э­то – и ис­то­рии мест­ных со­гласий. Кро­ме то­го, изу­чая ге­не­оло­гию от­дель­ных се­мей можно на­гляд­но на­блю­дать не­кие со­ци­оло­гиче­ские про­цес­сы. Вос­ста­но­в­ле­ние ро­дос­ло­вий по­зво­ли­ло так­же ото­ж­дес­т­вить мно­гих де­я­те­лей мест­но­го ста­ро­об­ря­дче­ства, фи­гу­ри­ру­ю­щих в по­ле­ми­че­ских и ис­то­ри­че­ских тек­стах, т.к. боль­шин­ство их в дан­ных со­чи­не­ниях ука­за­но без фа­ми­лий.

Приме­ча­тель­на ге­не­оло­гия Чер­но­вых [см. при­ло­же­ние]. Ис­то­рия э­то­го ро­да по­ка­зы­ва­ет, как не­боль­шая груп­па род­ствен­ни­ков иг­ра­ла важ­ную роль в ре­ли­ги­оз­ной жи­зни шихалёв­ской об­щи­ны. Они же ока­за­лись иници­ато­ра­ми вы­де­ле­ния но­вой об­щи­ны. Спу­стя при­мер­но пол­ве­ка чер­нов­ское со­гласие пре­к­ра­ти­ло сво­ё су­ще­ст­во­ва­ние: его пред­ста­ви­те­ли ока­за­лись ли­бо в ма­ки­нер­ской, ли­бо шихалёв­ской бра­тия­х. При э­том на судь­бе се­мьи яр­ко от­рази­лись дра­ма­ти­че­ские со­бы­тия ис­то­рии стра­ны: ги­бель од­но­го из чле­нов се­мьи в Гра­ждан­скую вой­ну, уча­стие по край­ней ме­ре трёх из­вест­ных на се­го­дня пред­ста­ви­те­лей в Ве­ли­кой Оте­че­ст­вен­ной вой­не. Ин­те­рес­но, что в на­ча­ле 1920-х гг. пред­ста­ви­те­ли се­мьи Чер­но­вых ока­за­лись в Кре­м­ле и ра­бо­та­ли на раз­ных тех­ни­че­ских долж­но­стях. Судь­бы Чер­но­вых на­гляд­но по­ка­зы­ва­ют, что в сре­де юж­но­вят­ских ста­ро­ве­ров бы­ли рас­про­стра­не­ны пред­ста­в­ле­ния о том, что ра­бо­тать в лес­хозе ме­нее грехов­но, чем со­сто­ять в кол­хозе. Так же­ну од­но­го чле­на кол­хоза не при­ни­ма­ли в бра­тию! При­мер­но та­кую же кар­ти­ну ри­суют и ис­то­рии дру­гих ста­ро­об­ря­дче­ских юж­но­вят­ских се­мей.

- **бы­ли вве­де­ны в на­уч­ный обо­рот но­вые па­мят­ни­ки кре­стьян­ской пись­мен­но­сти XVIII–XX вв. и оп­ро­бо­ва­на ме­то­ди­ка из­да­ния ис­точ­ни­ков раз­ных ви­дов и ти­пов, ком­п­лек­сно от­ра­жа­ю­щих тра­ди­ци­он­ную куль­ту­ру и мест­ную ис­то­рию.** На­ча­ло це­ле­на­прав­лен­ной пу­бли­ка­ции ис­точ­ни­ков бы­ло по­ло­же­но А. А. Исэ­ро­вым [30]. Опыт же ком­п­лек­с­ной пре­зен­та­ции ис­точ­ни­ков

разных видов и типов был воплощен в издании сборника документов «Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки».

Поскольку, как уже отмечалось, находки московских археографов в значительной степени продублировали находки уральских коллег, то к 2010-м гг. сложилась ситуация, когда два центра (УрГУ и МГУ) могли одновременно опубликовать полемические сочинения южноуральских филипповцев. В этом плане примечательно, что руководитель Лаборатории археографических исследований УрГУ И. В. Починская, автор подробных работ по старообрядчеству Южной Вятки [20, 21, 22, 23] выступила рецензентом книги «Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки» и дала положительную оценку проделанной работы. В сборник вошли:

- исторические и полемические сочинения старообрядцев, делопроизводство старообрядческих общин (32 текста),
- отчёты миссионеров, опубликованных в периодической печати XIX в. (2),
- тексты народной герменевтики (194 нарратива), отраженные в дневниках полевых экспедиций,
- духовные стихи
- каталог книг, находящихся в частных библиотеках региона (при этом имена владельцев и место нахождения упущены). В нем учтены все издания XVI – XVIII вв. (независимо от наличия записей), выявленные московскими археографами, а также книги XIX – XX вв. с записями владельцев, покупателей, продавцов и т.д. Анализ записей, в частности, показал, что все бегущие в регионе издания XVII – XVIII в. пришли сюда из центральных областей страны. Примечательно, что в некоторых случаях записи помогли реконструировать генеалогию некоторых родов. По сути дела, это первый каталог «живой» книжности.

Для составления справочного аппарата активно привлекались данные похозяйственных книг. Публикуемые в комплексе, все эти материалы показывают историю не только местных старообрядческих общин в контексте старообрядческой истории вообще, но дают принципиально новую информацию о локальных группах старообрядцев Поволжья, Удмуртии и др. регионов.

Опыт издания в качестве единого комплекса источников разных видов и типов, отражающих историю региональных старообрядческих

групп, был перенесен и на Верхокамье [14]. Это дало положительный результат в атрибуции уже известных текстов. Стало ясно, что такие сочинения, как «Письмо вятского филипповца», «Грамота Петра Игнатъевича» и др., выявленные в Верхокамьи, имеют близкое происхождение с «Уренским сборником» и «Рукописью Иоана», выявленными на Южной Вятке. Данный факт стал подтверждением давней научной гипотезы об общности ранней истории старообрядчества Верхокамья и Южной Вятки.

Выше уже характеризовались документы из архива Л.А. Гребнева. Здесь скажем несколько слов о другой находке – архиве крестьянской семьи Ершовых. В отличие от других публикаций по Южной Вятке, в разное время подготовленных коллективом сотрудников и студентов исторического факультета МГУ, Санкт-петербургскими и уральскими исследователями, предлагаемый сборник содержит материалы, относящиеся не к старообрядчеству, а к судьбам представителей синодальной церкви.

Архив охватывает период с 1911 г. по 1980-е гг. Всего в нем более 300 документов: от делопроизводственных бумаг до многочисленных писем периода I Мировой (56 писем) и Великой Отечественной войн (46). Он был получен Е.Н. Носковой от сводной сестры его последнего обладателя. С любезного согласия Елены Николаевны в 2012 и 2015 гг. В.П. Богдановым, А.А. Солдатовым и К.В. Бергелой была проведена полная оцифровка всего комплекса (как эпистолярной, так и делопроизводственной части).

Выявленный архив принадлежал крестьянской семье, представители которой проживали в поч. Поташев (ныне части ул. Советская и Механизаторов с. Шурма), возникшем рядом с одним из металлургических заводов с. Шурма Уржумского уезда Вятской губ. Память о родах Ершовых-Филипповых практически забыта. Документы выявленного архива представляют собой наиболее полную информацию об этой семье. Перед читателями предстает коллективный портрет южновятского православного крестьянства, открывается широкая картина забот и переживаний сельских жителей XX в.

Роды (перед нами большие трех- и четырех-поколенные семьи, в каждом поколении – несколько детей) Ершовых и Филипповых были достаточно зажиточными. Основной адресат писем, Василий Михайлович Ершов, арендовал землю, занимался предприниматель-

ской деятельностью. Его племянник и крестник А. Ершов (письма 1916 г.) работавший электриком в Суражском уездном земстве Черниговской губернии, также материально достаточно обеспечен. Что касается дер. Шиншерь, откуда родом семья Филипповых, то она всегда считалась богатой.

Об основном авторе Михаилу Прокопьевичу Филипповых (ум. после 1948) по тексту самих писем переписке удалось узнать следующее. Он какое-то время служил в Л.-гв. Преображенском полку, работал в конторе Луи Дрейфуса в с. Андреевка г. Бирска Уфимской губ. (в 1912 г.). С началом I Мировой войны служил в 1-й роте 129 запасного батальона, базировавшегося в г. Бугульма Самарской губ. За службу был представлен к Георгиевскому кресту 4-й ст. Впоследствии был переведен в 14-ю роту 32-го Сибирского стрелкового полка 10-й армии. После 31 августа 1915 г. попал в плен и содержался в военнопленном рабочем батальоне № 58 (личный № 2252) г. Гейльсберга, затем – в колонии Инстербург Стадт Гейльсберг в Германии. Находясь в плену в 1915 – 1917 гг., не имел возможности регулярно получать писем от родных. По этой причине поздно узнал о смерти сына: в каждом письме передавал ему привет, хотя тот умер в сентябре 1915 г. М.П. Филипповых вернулся к началу 1918 г. По сведениям Е.Н. Носковой, М.П. Филипповых по возвращении из плена работал на пристани с. Воробьи Уржумского р-на.

Из девяти авторов писем 1914 – 1918 гг. только один (и то, в силу каких-то природных особенностей) был неграмотным. При этом авторы мужчины имеют достаточно аккуратные почерки, женщины – менее аккуратные. Показательна юридическая грамотность уже упомянутого А. Ершова. В одном из писем говорится о прививке оспы новорожденному Пете Филипповых, что свидетельствует о медицинском обеспечении Вятского края. В свою очередь все эти факты говорят о достаточно высоком уровне образования в сельской среде Вятского края в начале XX в.

Сами письма, за редким исключением, содержат даты, а конверты, сохранившиеся в большинстве случаев, – штемпели. Это дает возможность судить, в частности, о работе почты в военное время. Например, написанное в начале войны (6.12.1914) письмо из Бугульмы, находившейся в соседней Саратовской губернии, до Уржума (судя по штампам) шло лишь 9 дней. Письмо же, написанное через полгода (5.4.1915), из

Сарапула, находившегося в Вятской губернии, до Уржума шло полтора месяца.

Данные документы, как и другие памятники подобного жанра, содержат большой фактический материал, интересный как для «истории повседневности», так и для local-history. В частности, они позволяют судить о ценах на продукты в разных регионах России в начале XX в., о социальной мобильности населения Вятского края... Важно отметить, что письма Ершовых-Филипповых являются первым прижизненным свидетельством почитания местной праведницы Александры Ивановны Елизаровой (Сашеньки Прозорливой), а также популярности стихов поэта-самоучки Григория Воинова. Интересно, что в этих письмах фигурируют два крупных деятеля обновленческого движения русской православной церкви: М.С. Гужавин и В.А. Дерябин. Публикуемая переписка содержит множество этнографических свидетельств (например, об использовании в крестьянских семьях резиновых сосок-пустышек уже в начале XX в. или применении магических практик для установления судеб пропавших без вести). Письма, написанные военными (братьями Филипповых и А.В. Ершовым), представляют собой важный источник для обширной антропологической темы «человек и война» [25]. Это тем более важно, что I Мировая была первой войной современного типа [3. С. 11 и др.], в котором принимали участие, в основном, крестьяне – носители традиционной психологии.

Подводя итог трём сборникам документов, подготовленных на основе находок археологических экспедиций на Южной Вятке, следует сказать следующее. Всех их отличает большой справочный аппарат, в основе которого лежат материалы полевых дневников, данные похозяйственных книг и т.д. при этом документы одного сборника могут помогать при комментировании документов другого. Подобный подход высоко оценен Е.Е. Дутчак. В своей статье она отметила, что благодаря его реализации удалось придать значение исторического источника тем материалам, которые считаются «справочными» [10].

Здесь же следует отметить, что именно на Южной Вятке московские археографы столкнулись с проблемами, вызванными развитием информационного общества. В 1960-е гг. – 1970-е гг. XX в., когда полевая археография только набирала силу и работы о староверах становились, главным образом, достоянием

узкой профессиональной общественности, носителями традиции были люди, воспитанные ещё до революции 1917 г. и даже в условиях сумбурного XX в., редко покидавшие родные места. В настоящее время носителями традиции являются люди, родившиеся в 1930-е – 1940-е гг. Степень мобильности этого поколения и связи его с внешним миром значительно выше, чем у предыдущего. Сами они, как правило, работали в других регионах и лишь под пенсию они вернулись на родину, а их дети и внуки (а, соответственно, в значительной степени и они сами) активно связаны с Интернетом. Через Интернет достижения московских археографов и оказались доступны на Южной Вятке. Кроме того, поколение современных носителей традиции, многие из которых имеют за плечами среднее или даже высшее образование, постоянно ставит вопрос о целесообразности проводимых археографами исследований. Таким образом, во время работ на Южной Вятке стала понятна степень ответственности исследователя перед объектом исследования.

С этой точки зрения итоговый сборник – «Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки» – планировался как своеобразный отчёт о проделанной работе не только перед научным сообществом, но и самими носителями традиции. На его страницах многие респонденты, которые в течение нескольких лет принимали московских археографов, делились с ними своими знаниями, смогли прочитать некогда предоставленные ими сведения, увидеть имена многих своих родственников, оставивших след в истории местного старообрядчества. Генеалогические изыскания московских археографов также оказались полезны и для местных жителей: старшее поколение просило прислать родословные схемы для детей и внуков, более молодые могли сказать: «Теперь я знаю, кем были мои деды!». То есть в последние годы археографических работ на Южной Вятке московские исследователи старались сделать свою работу «социально полезной» для них. Сеем надеяться, что новые книги окажутся так же востребованы среди местного населения, как и среди профессиональных исследователей. Методические наработки археографических экспедиций могут быть использованы при исследовании разных этно-конфессиональных групп, как самой Южной Вятки (в частности, здесь А.Е. Солдатовой начато изучение марийцев), так и других регионов.

Родословная Черновых  
(для экономии места ссылки на полевые  
дневники опущены)

1-е поколение

**1. Прокофий Чернов**

2-е поколение

**2. / 1 Чернов Василий Прокофьевич**, жил с братьями и сестрой в дер. Нижня Апсезь (Актыгашево), недалеко от дер. Савиново. В максинерской рукописи вместе с **Давыдом Иониным** «с братьям» и **Кондратием Фроловичем**, фигурирует как один из виновников раздела шихалёвцев и максинерцев [13. С. 115-117]. Был отставлен от духовного дела, но, как человек смелый (т.е. не опасался преследований властей), продолжал крестить детей. Фигурирует в рассказах о разделе шихалёвцев с Черновыми [13. С. 110-112] и крещении Анисии [13. С. 258-259].

**3. / 1 Чернов Кондратий Прокофьевич**. Был рукоположен Ермилом Ермиловичем (Терентием) до 1855 г. [13. С. 104]. Часто ездил вместе с братом Яковом в глазовский уезд [13. С. 108-110]. Фигурирует также в рассказах о разделе шихалёвцев с Черновыми [13. С. 110-112].

**4. / 1 Чернов Яков Прокофьевич**. Духовный отец южновятских филипповцев. Считается, что он укоренил обычай молитвы на седьмую лестовку Богородице заменять поклонами. Фигурирует в рассказах о разделе шихалёвцев с Черновыми [13. С. 110-115], что привело к выделению Черновых в отдельное согласие.

1ж / 1 **Анисья Прокофьевна**  
Муж: Фёдор

3-е поколение

2ж / 2 / 1 **Акелина Васильевна**

5. / 3 / 1 **Давыд Кондратьевич**

6. / 3 / 1 **Кондратий Кондратьевич**

7. / 4 / 1 **Чернов Осип Яковлевич**

8. / 4 / 1 **Чернов Семён Яковлевич**, филипповец-шихалёвец, муж Давыдьевны, зять Давыда Михайловича. Фигурирует в рассказе о разделе шихалёвцев и Черновых [13. С. 112-115].

3ж / 4 / 1 **Пелагея Яковлевна**

4ж / 4 / 1 **Степанида Яковлевна**

5ж / 4 / 1 **Анна Яковлевна**

Муж: Чернышов Иван Абрамович

4-е поколение

9. / 6 / 3 / 1 **Чернов Семён Давыдович**  
10. / 6 / 3 / 1 **Чернов Карп Давыдович**. Погиб в Гражданскую войну. Воевал за Красных.  
Жена: 1-я Надежда (Вера) Ивановна, ур. Сметанина.

2-я

11. / 6 / 3 / 1 **Чернов Василий Давыдович**. Видимо, не примкнул к черновцам или в конце жизни перешел в шихалёвскую братию.  
Жена: Анна Ивановна.  
6ж / 6 / 3 / 1 **Авдотья Давыдовна**. Вышла замуж в Чекалки.

12. / 7 / 4 / 1 **Чернов Дементриан (Демьян) Осипович**. Владелец книги Потребник (Московский печатный двор, 1635 [13. С. 162]). О нём сохранилась следующая устная традиция: «Ещё был Демьян Осипович его дом, где сейчас сбербанк в Шурме. Его сослали в Абхазию. Он «из ссылки мешок лавашей привёз – а здесь лебеду ели». Этот Демьян Осипович был известен тем, что работников нанимая проверял, как они едят – кормил сначала. Тех, кто ел спокойно, обстоятельно, – принимал на работу, а тех, кто ел с жадностью, торопливо, – отказывал».

13. / 7 / 4 / 1 **Чернов Яков Осипович**. Имел пряничную фабрику.

14. / 7 / 4 / 1 **Чернов Василий Осипович**. Был раскулачен и сослан.

5-е поколение

15. / 8 / 6 / 3 / 1 **Чернов Василий Семенович** (1904 – 9.3.1942 (нет известий с 5.1.1942)). Жил в дер. Игнашево Шурмин. р-на. Красноармеец 298 с.п. Погиб в Великой Отечественной войне.

Жена: Наталья Андреевна.

16. / 8 / 6 / 3 / 1 **Чернов Ефим Семенович**. Уехал молодым.

17. / 8 / 6 / 3 / 1 **Чернов Калина Семенович**

6ж / 9 / 6 / 3 / 1 **Анна Карповна**

Муж: жена Битарев Леонтий Павлович

18. / 10 / 6 / 3 / 1 **Чернов Панфил Васильевич** (р. до 1898 г. – 4.09.1979). Вроде бы, вступил в колхоз.

Жена: Евфросинья Терентьевна, ур. Чернышова. Из-за того, что П.В. Чернов вступил в

колхоз, шихалёвская братия не хотела её принимать на моление.

19. / 10 / 6 / 3 / 1 **Чернов Кирилл Васильевич** (р. до 1898 г.), работал шофером в Кремле.

Жена: Васса Павловна, ур. Крупина. Работала с мужем в Кремле.

7ж / 10 / 6 / 3 / 1 **Агафья Васильевна**

8ж / 10 / 6 / 3 / 1 **Евфимья Васильевна**

20. / 12 / 7 / 4 / 1 **Чернов Василий Демьянович** (до 1898 г.). Родился до раздела шихалей и черновцев, поэтому был принят в шихалёвскую братию без перекрещивания.

21. / 12 / 7 / 4 / 1 **Чернов Сидор Демьянович** (до 1898 г.). Родился до раздела шихалей и черновцев, поэтому был принят в шихалёвскую братию без перекрещивания.

10ж / 12 / 7 / 4 / 1 **Анна Дементьевна**

11ж / 12 / 7 / 4 / 1 **Арина Дементьевна**

Муж: Пестов Петр Григорьевич, филипповец-шихалёвец.

12ж / 13 / 7 / 4 / 1 **Степанида Яковлевна**

Муж: Плишкин Липат Филиппович, филипповец-шихалёвец.

6-е поколение

22. / 15 / 8 / 6 / 3 / 1 **Чернов Иван Васильевич** (1933 – 2014). Работал в лесхозе, был членом КПСС. В 2000-е гг. – духовный отец филипповец-шихалей пос. Пиляндыш.

Жена: Матрёна Исаевна, урожд. Решетникова (1930 – 2010), филипповка-шихалёвка.

23. / 17 / 8 / 6 / 3 / 1 **Чернов Марк Калинович**

24. / 18 / 10 / 6 / 3 / 1 **Чернов Филимон Панфилович**

13ж / 18 / 10 / 6 / 3 / 1 **Зинаида Панфиловна** (1925 г/р) филипповка-шихалёвка.

Муж: Чернышов Никита Илларионович (1924 г/р), филипповец-шихалёвец, Ветеран Великой Отечественной войны.

25. / 18 / 10 / 6 / 3 / 1 **Чернов Иван Панфилович** (1927-2010), филипповец-максинерец. Ветеран Великой Отечественной войны. Работал в лесхозе в пос. Пиляндыш. Был духовным отцом максинерцев.

Жена: Валентина Алексеевна, урожденная Кривошеина (1930 – 2015), прихожанка РПЦ. Родилась в Р-Туреке, где «всех крестили одинаково» (в реке).

14ж / 18/10/6/3/1 **Ирина Панфиловна** (1930 г/р), федосеевка (перешла из филипповской шихалёвской братии).

рец. Ветеран Великой Отечественной войны, генерал-майор авиации, был начальником гражданской авиации. В начале 2000-х гг. активно продвигал идею объединения шихалёвцев и максинерцев.

26. / 19/10/6/3/1 **Чернов Корней Кириллович** (1920-2005), филипповец-максине-

Жена: Матрона, филипповка-шихалёвка.

### Состав участников археографических экспедиций на Южную Вятку

1999	Дадыкин А., Ясинская М., Исэров А.
2000	Богданов В., Соломин И.
2001	Дадыкин А., Исэров А.
2002	Выезда не было
2003	<i>Руководитель:</i> Исэров А., Христофорова О. (РГГУ), Литвина Н. (Архив РАН) <i>Участники:</i> Галкина Е., Градобойнова Е., Гусева М., Кнорре Б., Пономарев И., Сарафанова Н.
2004	<i>Руководитель:</i> Исэров А., Литвина Н. (Архив РАН), Пушков В.П. <i>Участники:</i> Галкина Е., Градобойнова Е., Гусева М., Сарафанова Н., Якимов А.
2005	<i>Руководитель:</i> Литвина Н. (Архив РАН) <i>Участники:</i> Богданов В., Галкина Е., Гусева М., Ванякина А., Сарафанова Н., Градобойнова Е., Султанов И.
2006	Выезда не было
2007	<i>Руководитель:</i> Богданов В., Градобойнова Е. <i>Участники:</i> Бузыкина И., Дубровина А., Сундукова Д.
2008	<i>Руководители:</i> Богданов В., Градобойнова Е. <i>Участники:</i> Берегела К., Веселов В., Галимзянова Е., Орлова О. (РГГУ), Свиначенко А, Сергеева Е., Серженко И., Старикова Е., Сундукова Д., Щербакова А.
2009	<i>Руководители:</i> Богданов В., Градобойнова Е. <i>Участники:</i> Буйлина С., Буйнова К., Веселов В., Галимзянова Е., Орлова О. (РГГУ), Сергеева Е., Серженко И., Сундукова Д., Цыпкина А., Чибисова А.
2010	<i>Руководители:</i> Богданов В., Градобойнова Е. <i>Участники:</i> Буйнова К., Воронцов С., Высоцкий Н., Долгополова Д., Лиманов А., Ляцос А., Макарова А., Сергеева Е., Солдатов А., Сундукова Д., Ягодкина Е.
2011	<i>Руководители:</i> Богданов В., Градобойнова Е. <i>Участники:</i> Высоцкий Н., Калинин М., Макарова А., Солдатов А., Солдатова А., Ягодкина Е.
2012	<i>Руководители:</i> Богданов В., Ягодкина Е. <i>Участники:</i> Буйнова К., Высоцкий Н., Солдатов А., Солдатова А., Пчелинцев А., Калинин М., Мушина Н.
2013	Выезда не было
2014	Выезда не было
2015	<i>Руководители:</i> Богданов В. П., Солдатова А.А. <i>Участники:</i> Берегела К., Воронцова Е., Высоцкий Н., Желамская Е, Михеева А., Солдатов А., Калинин М., Серженко И., Солдатов А., Топоркова А., Устьянцев Г., Ягодкина Е.О.

### Библиография:

- Агапкина Т.А. Праздник – время праздное? (о пользе нарушения запретов) // Живая старина. 2015. № 1. С. 2-5.
- Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: боярышник, терновник и другие колючие деревья и кустарники // Славянский альманах. 2014. Т. 2013. С. 352-373.
- Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. – М.: Новый хронограф, 2014. – 740 с.
- Белова О.В. У истоков славянского мира: русские этиологические сказки и легенды. М., 2014. – 576 с.
- Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. – М.: Гнозис, 2014. – 336 с.
- Воронцова Е.В. Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке): Дис. ... канд. филос. наук, М., 2015.
- Воронцова Е.В. Пути трансляции религиозных знаний в среде современных старообрядцев-беспоповцев на юге Вятского края (полевые заметки) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 6 (62). С. 70-80.
- Градобойнова Е. В. Конфликт как сущностная характеристика старообрядческой среды // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.). В 2-х ч. – Ярославль, 2008. – Ч. 2. – С. 237–255.
- Градобойнова Е. В. Роль кириллических изданий в формировании мировоззрения беспоповцев-старообрядцев // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.: труды II Международной научной конференции (Москва, 30–31 октября 2011 г.). – М., 2011. – Вып. 8. – С. 610–650.
- Дутчак Е.Е. Полевая археография вчера, сегодня и завтра: размышления о новых публикациях Московского университета // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 85-90.
- История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / сост., вст. ст., комм. А. А. Ивановой. – М., 2006. – 476 с.

12. Исэров А. А. Традиционная культура старообрядчества Южной Вятки в ее статике и динамике (по материалам полевых исследований Археографической лаборатории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1999–2005 гг.) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.). В 2-х ч. – Ярославль, 2008. – Ч. 2. – С. 218–236;
13. Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки. По итогам комплексных археографических экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова. Сборник документов / Отв. ред. В. П. Богданов. – М., 2012. – 308 с.
14. Материалы к истории старообрядчества Верхотурья: по итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник документов / отв. Ред. В.П. Богданов, В.П. Пушкин. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 276 с.
15. Материалы к истории старообрядчества: документы из архива Л.А. Гребнева / отв. ред. В.П. Богданов. – М., 2016. – 236 с.
16. Мяло К. Г. Традиционная община в историческом времени: реликт или альтернатива? // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 27-28 октября 2006 г.): в 2 ч. Ч. 2. Ярославль, 2008. – с. 86 – 100.
17. «Народная Библия»: Восточнославянские этимологические легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой.-М.: "Индрик", 2004. – 576 с.
18. Орлова О. О. «Никон взял ключи от царства Христова: и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е. Б. Смилянкой. – М., 2012. – С. 221–235.
19. Последняя война Российской империи в письмах крестьянской семьи (1914 – 1918 гг.) / сост. К.В. Берегела, В.П. Богданов, Е.Н. Носкова. Отв. ред. В.П. Богданов. – М.: 2016. – 93 с.
20. Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 43–58;
21. Починская И. В. Историко-полюемический сборник филипповцев Южной Вятки // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 244–247 и др.
22. Починская И. В. О бытовании родословий филипповского согласия на Вятке // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2005. С. 424–430;
23. Починская И.В. Об издательском репертуаре типографии Л.А. Гребнева в Старой Тушке // Уральский сборник: История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2005. С. 137 – 172.
24. Семibrатов В.К. Староверы федосеевцы Вятского края. – М.: Археодоксия, 2006. – 204 с.
25. Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 1998. – 383 с.
26. Смилянская Е. Б. «Три дороги есть: одна в ад, другая в огонь, а третья в рай...» Повествования о вере и спасении старообрядцев Верхотурья // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е. Б. Смилянкой. – М., 2012. – с. 49 – 167.
27. Солдатов А.А. Старообрядческая традиция через призму теории памяти // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 129–136.
28. Солдатов А.А. Федосеевцы Южной Вятки // Родина. 2014. № 12. С. 137–139.
29. Старообрядчество в условиях модернизации: исследования и материалы / отв. ред. В.П. Богданов. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 188 с.
30. Филипповское родословие: исторические сочинения старообрядцев-филипповцев Поволжья и Южной Вятки / Публикация, предисловие и комментарии А. А. Исэрова.-М.: Археодоксия, 2004 – 88 с.
31. Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. – М: ОГИ, РГГУ, 2010. – 432 с.
32. Шемякина О. Д. Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст // Диалог со временем. Вып. 33. М., 2010. С. 298–320.
33. Шемякина О. Д. Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. – М., 2011. – № 1. С. 106–116.

## References (transliterated):

1. Agapkina T.A. Prazdnik –vremya prazdnoe? (o pol'ze narusheniya zapretov) // Zhivaya starina. 2015. № 1. S. 2-5.
2. Agapkina T.A. Simvolika derev'ev v traditsionnoi kul'ture slavyan: boyaryshnik, ternovnik i drugie kolyuchie derev'ya i kustarniki // Slavyanskii al'manakh. 2014. T. 2013. S. 352-373.
3. Astashov A.B. Russkii front v 1914 –nachale 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost'. –М.: Novyi khronograf, 2014. –740 s.
4. Belova O.V. U istokov slavyanskogo mira: russkie etimologicheskie skazki i legendy. М., 2014. – 576 с.
5. Bessonov I.A. Russkaya narodnaya eshatologiya: istoriya i sovremennost'.-М.: Gnozis, 2014. – 336 s.
6. Vorontsova E.V. Sovremennoe bytovanie dukhovnykh stikhov v srede staroobryadtsev (po materialam polevykh issledovaniy na Vyatke): Dis. ... kand. filos. nauk, М., 2015.
7. Vorontsova E.V. Puti translyatsii religioznykh znaniy v srede sovremennykh staroobryadtsev-bespopovtsev na yuge Vyatskogo kraia (polevye zametki) // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2015. № 6 (62). S. 70-80.

8. Gradoboinova E. V. Konflikt kak sushchnostnaya kharakteristika staroob-ryadcheskoi sredy // Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya. Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 40-letiyu polevykh arkhograficheskikh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova (Moskva, 27-28 oktyabrya 2006 g.). V 2-kh ch. – Yaroslavl', 2008. – Ch. 2. – S. 237-255.
9. Gradoboinova E. V. Rol' kirillicheskikh izdaniy v formirovaniy mirovozzreniya bespopovtsev-starobryadtsev // Yazyk, kniga i traditsionnaya kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya v zhizni svoego vremeni, v nauke, muzeinoi i bibliotechnoi rabote XXI v.: trudy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 30-31 oktyabrya 2011 g.). – M., 2011. – Vyp. 8. – S. 610-650.
10. Dutchak E.E. Polevaya arkhografiya vchera, segodnya i zavtra: razmyshleniya o novykh publikatsiyakh Moskovskogo universiteta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 396. S. 85-90.
11. Istoriya Vyatskogo kraja v predaniyakh, legendakh i pesnyakh / sost., vst. st., komm. A. A. Ivanovoi. – M., 2006. – 476 s.
12. Iserov A. A. Traditsionnaya kul'tura starobryadchestva Yuzhnoi Vyatki v ee statike i dinamike (po materialam polevykh issledovaniy Arkheograficheskoi laboratorii istoricheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova v 1999-2005 gg.) // Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya. Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 40-letiyu polevykh arkhograficheskikh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova (Moskva, 27-28 oktyabrya 2006 g.). V 2-kh ch. – Yaroslavl', 2008. – Ch. 2. – S. 218-236;
13. Materialy k istorii starobryadchestva Yuzhnoi Vyatki. Po itogam kompleksnykh arkhograficheskikh ekspeditsii MGU im. M. V. Lomonosova. Sbornik dokumentov / Otv. red. V. P. Bogdanov. – M., 2012. – 308 s.
14. Materialy k istorii starobryadchestva Verkhokam'ya: po itogam kompleksnykh arkhograficheskikh ekspeditsii istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova: Sbornik dokumentov / otv. Red. V.P. Bogdanov, V.P. Pushkov. – M.: MAKS Press, 2013. – 276 s.
15. Materialy k istorii starobryadchestva: dokumenty iz arkhiva L.A. Grebneva / otv. red. V.P. Bogdanov. –M., 2016. – 236 s.
16. Myalo K. G. Traditsionnaya obshchina v istoricheskom vremeni: relikht ili al'ternativa? // Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya. Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 40-letiyu polevykh arkhograficheskikh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova (Moskva, 27-28 oktyabrya 2006 g.): v 2 ch. Ch. 2. Yaroslavl', 2008. – s. 86 – 100.
17. «Narodnaya Bibliya»: Vostochnoslavjanskije etiologicheskie legendy / sost. i komment. O.V. Belovoi.-M.: "Indrik", 2004. – 576 s.
18. Orlova O. O. «Nikon vzyal klyuchi ot tsarstva Khristova: i sam ne vkhodit, i lyudei ne puskaet»: obraz vraga v starobryadcheskikh rasskazakh o patriarkhe Nikone // O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX-XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa) / Pod red. E. B. Smilyanskoi. – M., 2012. – S. 221-235.
19. Poslednyaya voina Rossiiskoi imperii v pis'makh krest'yanskoj sem'i (1914 – 1918 gg.) / sost. K.V. Beregela, V.P. Bogdanov, E.N. Noskova. Otv. red. V.P. Bog-danov. –M.: 2016. – 93 c.
20. Pochinskaya I. V. Iz istorii starobryadchestva Vyatskogo kraja. Fedoseevtsy (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.) // Ocherki istorii starobryadchestva Urala i sopredel'nykh territorii. Ekaterinburg, 2000. S. 43-58;
21. Pochinskaya I. V. Istoriko-polemicheskii sbornik filippovtsev Yuzhnoi Vyatki // Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 18-20 aprelya 2010 g.). Ekaterinburg, 2010. S. 244-247 i dr.
22. Pochinskaya I. V. O bytovanii rodoslovii filippovskogo soglasiya na Vyatke // Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI-XX vv. / Otv. red. E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk, 2005. S. 424-430;
23. Pochinskaya I.V. Ob izdatel'skom repertuare tipografii L.A. Grebneva v Sta-roi Tushke // Ural'skii sbornik: Istoriya. Kul'tura. Religiya. – Ekaterinburg, 2005. S. 137 – 172.
24. Semibratov V.K. Starovery fedoseevtsy Vyatskogo kraja. – M.: Arkheodoksiya, 2006. – 204 s.
25. Senyavskaya E.S. Psikhologiya voiny v XX v. Istoricheskii opyt Rossii. –M.: ROSSPEN (Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya), 1998.-383 s.
26. Smilyanskaya E. B. «Tri dorogi est': odna v ad, drugaya v ogon', a tret'ya v rai...» Povestvovaniya o vere i spasenii starobryadtsev Verkhokam'ya // O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX-XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa) / Pod red. E. B. Smilyanskoi. – M., 2012. – s. 49 – 167.
27. Soldatov A.A. Starobryadcheskaya traditsiya cherez prizmu teorii pamyati // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 405. S. 129-136.
28. Soldatov A.A. Fedoseevtsy Yuzhnoi Vyatki // Rodina. 2014. № 12. S. 137-139.
29. Starobryadchestvo v usloviyakh modernizatsii: issledovaniya i materialy / otv. red. V.P. Bogdanov. –M.: MAKS Press, 2013. – 188 s.
30. Filippovskoe rodoslovie: istoricheskie sochineniya starobryadtsev-filippovtsev Povolzh'ya i Yuzhnoi Vyatki / Publikatsiya, predislovie i kommentarii A. A. Iserova.-M.: Arkheodoksiya, 2004 – 88 s.
31. Khristoforova O. B. Kolduny i zhertvy: Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii. – M: OGI, RGGU, 2010. – 432 s.
32. Shemyakina O. D. Protivorechiya rossiiskogo modern-proekta i traditsionnaya kul'tura. Istoricheskoe nasledie i sovremenniy kontekst // Dialog so vremenem. Vyp. 33. M., 2010. S. 298-320.
33. Shemyakina O. D. Razryv i preemstvennost' v russkoi kul'turnoi traditsii: opyt dialoga // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – M., 2011. – № 1. S 106-116.